

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ СБОРНИК

II

ДЕШИФРОВКА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
ПИСЬМЕННОСТЕЙ
ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1966

А. Г. Периханян

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ АРМЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

*Посвящается
1600-летию юбилею
Месропа Маштоца,
изобретателя армянской
письменности*

Надписи на арамейском языке, обнаруживаемые по сей день в разных уголках Передней Азии, свидетельствуют о том, что арамейский язык продолжал сохранять здесь свое значение *lingua franca* и в послеахеменидский период. В Армении арамейские памятники представлены надписями первой половины II в. до н. э. (с письмом, примыкающим к письму арамейских памятников малоазиатского круга) и надписью из Гарни (II—III вв. н. э.), связанной с северомесопотамской арамейской письменной традицией (см. «Историко-филологический журнал», Ереван, 1964, № 3). Таким образом, использование в делопроизводстве арамейского языка и письма в Армении, в условиях отсутствия письменности на родном языке, засвидетельствовано документально в рамках почти пяти столетий, вплоть до победы в стране христианства, когда на смену уже мертвому канцелярскому языку в качестве одного из официальных языков государства и церкви пришел живой сирийский язык.

Находка гарнийской надписи, связанной с арамейской письменной традицией, шедшей из Северной Месопотамии, проливает некоторый свет и на вопрос о происхождении армянской письменности.

Согласно армянской исторической традиции армянское письмо было создано Месропом Маштоцем, сыном Вардана, уроженцем деревни Хацекац Таронской области. Данные о жизни и деятельности Маштоца известны нам по биографии, написанной в середине V в. его учеником Корюном, одним из переводчиков Библии на армянский язык, и свидетельствам

ряда историков (особенно Лазаря Парбского)¹. Маштоц родился около 361 г. и в отроческие годы был отправлен в Антиохию для получения эллинского образования². В антиохийской школе, в которой преподавал известный ритор Либаний, учился в это время и Теодор из Мопсуэстии, с которым Маштоц сдружился; впоследствии Теодор из Мопсуэстии написал для Маштоца трактат о религии магов. В царствование Хосрова IV (385—388) Маштоц прибывает в Валаршапат и поступает на службу писцом-архивариусом (dpir) в царскую канцелярию при хазарапете Армении Араване; как сообщает Лазарь Парбский, делопроизводство в царской канцелярии велось в это время на греческом и сирийском языках. Служба в канцелярии оказалась недолгой: Маштоц принимает через несколько лет духовный сан и отправляется в область Гохти для проповеднической деятельности. Здесь он особенно остро ощущает необходимость создания письменности на родном языке для христианского просветительства. По возвращении из Гохтна Маштоц делится своими планами о создании армянской письменности с католикосом Сааком и находит полную под-

¹ О Маштоце и его деятельности упоминают также Езник (V в.), константинопольский патриарх Прокл (390—446 гг.), Моисей Хоренский, католикос Авраам (VI в.), анонимный греческий автор VII в., Себеос (VII в.), агиографическое произведение «Житие Нерсеса» и др. Литература, посвященная этим источникам, обширна, отмечу только несколько исследований: Г. Халатьян, *Армянские Аршакиды в «Истории Армении» Моисея Хоренского*, М., 1903, стр. 306—335; J. Marquart, *Über den Ursprung des armenischen Alphabets in Verbindung mit der Biographie des heil. Maštoč*, Wien, 1917; Н. Адонц, *Неизвестные страницы из жизни Маштоца и его учеников по неармянским источникам*, — «Handès Amsōreay», 1925, № 5—12 (на арм. яз.); Г. Ачарян, *Армянская письменность*, Вена, 1928; Я. А. Манандян, *Месроп Маштоц и борьба армянского народа за культурную самобытность*, Ереван, 1941; его же, *Критический обзор*, стр. 243—275.

² Биография Маштоца излагается мною в общих чертах и в соответствии с исследованиями Н. Г. Адонца и Я. А. Манандяна (см. предыдущ. прим.). Следует, однако, оговорить; что тут не все бесспорно и при нынешнем состоянии наших источников у историков не может быть единства во мнениях в данном вопросе. Так, например, дата изобретения Маштоцом армянского алфавита (≈392—393 гг.), устанавливаемая Н. Г. Адонцом и Я. А. Манандяном, основана на имеющейся у Корюна датировке пятым годом царствования Врамшапуха и на отождествлении Н. Г. Адонцом Руфина армянских источников с Руфином — учеником Теодора Мопсуэстийского (весьма вероятно, но не доказанном). Некоторыми исследователями эта дата отодвигается на десяток лет вперед (в этом случае снимается и упомянутое отождествление, так как Руфин в конце девяностых годов IV в. находился уже в Риме). Для задач, стоящих в центре внимания данной статьи, перенос датировки изобретения Маштоца на десяток лет в ту или иную сторону не имеет никакого значения, как и некоторые другие спорные детали в его биографии. Датировка 392—393 гг. предлагается мною читателю как условная.

держку; последнему удается также заинтересовать этой задачей царя Армении Врамшапуха (388—414), который сообщает им, что, по имеющимся у него сведениям, у сирийского епископа Даниила случайно оказались «армянские письмена». За этими письменами посылают к упомянутому Даниилу³ и доставляют их в Валаршапат; однако попытка Месропа Маштоца приспособить эти «письмена» для передачи армянского текста кончается неудачей, ибо, как сообщает Корюн, они (в количестве 22 знаков⁴) оказываются «недостаточными для передачи слогов (т. е. в них отсутствовали гласные. — А. П.) и (звуковых) сочетаний („связей“), армянского языка, поскольку письмена эти, из чужой письменности, были заброшены („захоронены“) и случайно оказались воскрешенными». Моисей Хоренский также говорит о недостаточности «данииловых» письмен для точной передачи звукового состава армянского языка. После этого Маштоц по приказу Врамшапуха отправляется с группой учеников-отроков «в страну Арам», в города Эдессу и Амид. Учеников делят на две группы — одну оставляют в Эдессе для получения сирийского образования, другую отправляют в Самосату для прохождения греческой школы. Сам же Маштоц остается в Месопотамии (в Амиде), где около 392—393 гг. и изобретает армянскую азбуку⁵. Корюн, который, как и подобает христианскому автору V в., приписывает это божественной благодати и деснице господя, пишет, что Маштоц «изобрел письмена со слогами (т. е. приспособленные для передачи слогов. — А. П.), дав им названия и порядок». По версии, сохранившейся у Вардана, «в пятый год его (Врамшапуха) и в первый год Шапуха, сына Арташира, святой Месроп изобрел армянскую письменность; двадцать два знака, от старых времен, найденные у сирийца Даниила, вследствие негодности для передачи (звукового) богатства нашего языка были оставлены предками, довольствовавшимися греческими, сирийскими и персидскими письменами».

³ В сирийских синодальных списках упоминаются два епископа, носивших это имя, которые были современниками Маштоца и могут быть поэтому отождествлены с сирийским епископом Даниилом текста Корюна: Даниил, епископ Арзанены (Bēð Arzon), участник соборов 410 и 424 гг.; Даниил, епископ Моксены (Bēð Moksayē), участник собора 410 г. (см. J.-B. Chabot; *Synodicon Orientale*, Paris, 1902, pp. 272, 274, 285, 617). Поскольку Арзанена играла более важную роль в культурно-историческом отношении, чем Моксена, в ней естественнее также видеть и хранительницу той письменной традиции, о которой сообщает Корюн.

⁴ Эту цифру сообщает Вардан (XIII в.), пользовавшийся, видимо, более ранней и аутентичной редакцией сочинения Корюна, чем та, которая до нас дошла.

⁵ См. Н. Адонц, *Неизвестные страницы...*, № 9—10, 11—12; Я. А. Манандян, *Критический обзор...*, стр. 259—266.

Из Амида Маштоц направляется в Самосату к каллиграфу Руфину (в армянских источниках: Ռօր'անոս, Րփր'անոս, Րփր'անոս), ученику Теодора из Мопсуэтии. Руфин, по словам Корюна, помог Маштоцу в изобретенных им письменах «установить и увязать окончательно (знаки. — А. П.) тончайшие, короткие и длинные, отдельные и сдвоенные», подверг их графической отделке. После этого Маштоц со своими двумя учениками, Иоанном из Акилисены и Иосифом из Паланакана (Палина), приступил к переводу первого текста, записанного армянским письмом, — «Притч Соломона», — каллиграфический список которого был изготовлен Руфином. Далее в источниках рассказывается о том, как Маштоц при содействии духовных и светских властей развивает вместе со своими учениками просветительскую деятельность по введению школьного обучения на армянской письменности и переводу библейских книг, сначала в Восточной Армении, а затем и в западной ее части, входившей в это время в состав Византии, а также о его активном участии в изобретении грузинского и албанского письма. Умер Маштоц в старости 13 мехекана (17 февраля) 440 г. Такова в общих чертах история изобретения армянского письма по дошедшей до нас литературно-исторической традиции.

В научной литературе относительно происхождения армянского письма, его источника, высказывались различные точки зрения, но вопрос продолжает оставаться открытым. По Р. Лепсиусу и П. де Лагарду⁶, в основе алфавита Маштоца лежит греческое письмо с добавлением четырех коптских знаков и двух сирийских. Полностью из греческого письма производили армянское письмо В. Гардтхаузен⁷ и ряд других исследователей. На мысль о греческом происхождении наводила, безусловно, греческая система, направление письма, порядок букв и способы передачи дифтонгов армянским письмом, однако попытки доказать происхождение армянских букв от греческих представляют насилие над палеографией и пренебрежение элементарными нормами методики подобных исследований — вряд ли их можно принимать всерьез⁸.

⁶ R. Lepsius, *Standard Alphabet for Reducing Unwritten Languages to a Uniform Orthography*, Berlin, 1855, p. 133; P. de Lagarde, *Gesammelte Abhandlungen*, Leipzig, 1866, S. IX, X; idem, *Armenische Studien*, S. 2.

⁷ W. Gardthausen, *Ueber den griechischen Ursprung der armenischen Schrift*, — ZDMG, 1876, XXX, S. 62 sq.; из других исследователей, высказывавшихся в пользу греческого происхождения армянского письма, отмечу Г. Ачаряна (см. *Армянская письменность*).

⁸ Приведу для иллюстрации образцы такого рода производства армянских букв из труда А. Г. Абрамяна, *История армянского письма*, Ереван, 1959, стр. 59—61 (на арм. яз.). Армянский знак для г (q) про-

Гораздо большего внимания заслуживают попытки объяснить отдельные армянские буквы происхождением из семитических письменностей на арамейской основе. Первая такая попытка принадлежит Ф. Мюллеру, который выводил армянские буквы из староарамейского, сирийского, пальмирского, сасанидского лапидарного (*парсики*) и авестийского письма⁹. Однако неразработанность как арамейской, так и иранской эпиграфики и палеографии в прошлом веке, недостаток сравнительного материала, методические ошибки, как, например, поиски прототипов армянских букв в письменностях, уже хронологически далеко отстоящих друг от друга (легенды на киликийских монетах V—IV вв. до н. э. — авестийское письмо VI в. н. э.), и др. послужили причиной того, что точка зрения Мюллера (в которой были, как я постараюсь показать ниже, и рациональные моменты) оказалась чрезвычайно слабо аргументированной.

В 1883 г. И. Тэйлор выступил с гипотезой о происхождении армянского письма из пехлевийского курсива: пехлевийским знакам, по его мнению, была придана форма прямого унциального письма, само же пехлевийское письмо представляло более древнюю незасвидетельствованную форму, развившуюся, как предполагал Тэйлор, из того типа арамейского письма, из которого возникли знаки письма *кхарошти*, сопоставляемые им с армянскими¹⁰. При этом для трех знаков (i, p', k') он признает греческое происхождение. В настоящее время, когда нам известен целый ряд среднеиранских письменностей и разных их пошибов (в том числе среднеперсидское письмо III в. н. э. из Дур-Эвропос и старый пошиб IV—V вв., бывший в ходу у христиан Ирана в течение столетий, — ср. пехлевийская Псалтырь из Турфана, — и выпавший, очевидно, став конфессиональным, из общей линии развития пехлевийского письма), тэйлоровский треугольник *пехлеви—кхарошти—армянский* потерял свое право на существование даже в качестве рабочей гипотезы. Теория иранского (с различными вариациями) происхождения армянского письма получила дальнейшее развитие в работах И. Маркварта и

изводится из греческой *гаммы* следующим образом: «спереди (к углу) гаммы прибавлен кружок»; для производства армянского k (*կ*) из греческой *каппы* у последней ампутируется нижняя половина ствола и половина верхнего правого крыла, а нижнее правое крыло, очевидно, выпрямляется; армянское у (*յ*) выводится из греческой *омеги* поворотом ее на 90° влево (и это — при направлении письма слева направо!).

⁹ F. Müller, *Ueber den Ursprung der armenischen Schrift*, — SBAWW, 1864, 48, S. 431—438; idem., *Zur Geschichte der armenischen Schrift*, — WZKM, 1890, IV, S. 284—288.

¹⁰ См. I. Taylor, *The Alphabet*, II, London, 1883, p. 268 sq.

Г. Юнкера. И. Маркварт¹¹ выводит одни знаки из парфянского лапидарного (*пахлавик*) письма (знаки для а, о, š, г, d, b, s), другие — из сасанидского лапидарного (*парсик*), как, например, знаки для h, n, p (удвоенное p *парсик*), g (=парсик p), у (удвоенное у *парсик*); третьи — из «книжного» *пехлеви* — знаки для t, ç, ç (последний — из лигатуры $\text{𐭮} = /hml/$). Ряд знаков, по Маркварту, взят из *эстрангело* (для с, ç, m; k — из конечного *каф*'а; l), греческого (для t', p', k', e, i, w) и, возможно, коптского (ç). Если Маркварт в поисках прототипов армянских букв в иранских и иных письменностях исходил исключительно из элементов внешнего сходства (подчас довольно отдаленного или случайного), не стремясь уложить привлекаемый материал в рамки какой-нибудь системы, то другой исследователь, Г. Юнкер, напротив, пытается вывести армянские (а также грузинские) буквы из парфянского и среднеперсидского лапидарного письма (с заимствованием некоторых знаков авестийского письма). Исходя из созданной им же теории возникновения авестийского письма и системы его знаков, Г. Юнкер считает, что авестийский алфавит является продуктом очень длительного развития. Первоначально, по его мнению, Авеста была записана северовосточным ирано-арамейским типом письма, с которым генетически связано и *кхарошти*. Затем, с продвижением Авесты на запад (через Парфию в Мидию), она была «перетранскрибирована» парфянским, или мидийским письмом, а в начале сасанидского периода — сасанидским *парсик*; наконец, в IV в. н. э. была создана система авестийских знаков для гласных под влиянием греческой системы письма. Таким образом, авестийский алфавит, по Юнкеру, — смешанный, исторически развившийся образец синтеза культур севера Ирана, его юга и греческой. При этом в авестийском алфавите Юнкер устанавливает строгую систему синтеза: знаки для передачи авестийских переднеязычных глухих согласных и соответствующего ряда спирантов производятся им от знаков для p, t, k парфянского лапидарного письма (*пахлавик*), а знаки переднеязычных звонких согласных, и, соответственно, звонких спирантов — от знаков для b, d, g сасанидского лапидарного письма (*парсик*) и т. д. Между тем одно членение звуков и их графических эквивалентов по строгому фонетическому принципу уже перечеркивает теорию Юнкера об историческом развитии авестийского алфавита: такое членение слишком искусственно и не могло произойти стихийно, в ходе исторического развития, — оно было бы возможно только при искусственном создании алфа-

¹¹ J. Marquart, *Über den Ursprung...*, S. 47—58.

вита, при его изобретении. Трудно понять логически и самый принцип отбора: ведь оба ряда переднеязычных согласных, и глухие и звонкие, имеют свое графическое выражение в каждой из использованных, по мнению Юнкера, письменностей: зачем понадобился подобный «заем»? Иное дело, когда знак для выражения той или иной фонемы отсутствует в исходной письменности: в таких случаях возможны заимствования знаков (или их комбинаций), даже отличных по своему фонетическому содержанию (как чисто графических символов), из другой (разумеется ходовой) письменности. Малоубедительны теории происхождения знаков авестийского письма из лапидарного *пахлавица* и *парсика* также в палеографическом отношении: натяжки тут почти в каждом знаке, как и при выведении из лапидарного парфянского и сасанидского письма знаков армянского и грузинского алфавитов, имеющих, с точки зрения Юнкера, такое же смешанное происхождение. Между тем авестийские буквы либо совершенно тождественны соответствующим знакам развитого пехлевийского курсива позднесасанидского периода, либо представляют их графические вариации, комбинации и лигатуры. Авестийский алфавит является поздним изобретением, не ранее VI в. н. э., как это показал еще К. Залеман¹², точка зрения которого господствует среди иранистов и в наши дни¹³. Вопрос о влиянии авестийского письма на создание армянского (а также грузинского) письма снимается уже по хронологическим причинам.

При выяснении происхождения армянского письма решающее слово, несомненно, остается за палеографией. Не следует, однако, пренебрегать данными, поставляемыми армянской исторической традицией, тем более что она, вопреки высказываниям некоторых исследователей, в целом вполне доброкачественна. Согласно этой традиции, как было изложено выше, Месроп Маштоц был изобретателем армянского алфавита, но до этого изобретения в его распоряжении имелся алфавит, состоявший из 22 знаков¹⁴, который Корюн и Лазарь Парбский называют «армянскими письменами». Это свидетельство о «да-

¹² C. Salemann, *Über eine Parsenhandschrift der Kaiserlichen Öffentlichen Bibliothek zu St. Petersburg*, Leiden, 1878, S. 18 sq.

¹³ G. Morgenstierne, *Orthography and sound-system of the Avesta*, — NTSV, XII, 1942, p. 31 sq.; H. W. Bailey, *Zoroastrian Problems in the Ninth Century Texts*, Oxford, 1943, p. 191; W. B. Henning, *Mitteliranisch*, S. 52.

¹⁴ К свидетельству Давида Харкского (VII в.) о том, что взятый у Даниила алфавит состоял из 24 или 29 букв, следует относиться скептически, так как это явно поздний домысел (возможно, интерполяция), основанный на подгонке под число букв греческого (24) и арабского (29) алфавитов.

ниловом» алфавите как об армянском было принято рядом исследователей как подтверждение существования домесроповской армянской письменности и литературы¹⁵. В качестве довода в пользу этой гипотезы приводилось то обстоятельство, что армянские литературные памятники V в., появившиеся сразу же по изобретении месроповского письма, написаны весьма богатым, стилистически отделанным литературным языком, который не мог бы возникнуть в течение двух-трех десятилетий у бесписьменного народа. Большинство исследователей, однако, гипотеза о домесроповской армянской письменности не принимается¹⁶, и, как мне кажется, совершенно справедливо. Ведь в противном случае предпринимались бы более ранние (до V в.) попытки перевода Библии на армянский язык, существовали бы надписи и памятники если не языческой¹⁷, то христианской армянской литературы предыдущего столетия, или во всяком случае были бы обнаружены их следы в византийских и сирийских источниках. Однако вместо всего этого мы имеем весьма определенное указание источников на отсутствие письменности на родном языке до изобретения Маштоца и использование в стране греческого, сирийского и среднеперсидского языков и письменностей для составления государственных и гражданских актов и делопроизводства (ср., напр., Лазарь Парбский. I, 10: *vasn zi asori ew youn grov varēin yaun žam zgorc t'agaworačn Hayoc ark'unl dpirk'n, zvc'rocn ew zhrovartakačn*), что подтверждается и данными эпиграфики. Высокий же уровень развития армянского письменного языка и литературы V в. находит объяснение, как правильно отметил Я. А. Манандян, в давности письменной традиции в стране, пусть иноязычной (арамейской, иранской, греческой, сирийской), и ранних связях с центрами сиро-эллинистической образованности.

Что же представлял собой использованный Маштоцом алфавит, как сообщает Корюн, «заброшенный» и «случайно» выплывший в Арзне у сирийца Даниила? Уже по количеству знаков, равному двадцати двум, и акцентированной источниками невозможности отразить с его помощью слоги (*zvank*,

¹⁵ А. М. Гарагашьян, *Критическая история Армении*, III, Тифлис, 1895, стр. 39, 69—71 (на арм. яз.); М. Тер-Мовсесян, *История перевода Библии на армянский язык*, СПб., 1902, стр. 15—27; Н. Я. Марр, *Кавказский культурный мир и Армения*, Пг., 1915, стр. 34; А. Абрамян, *История армянского письма*, стр. 33—46.

¹⁶ Ср., напр., Г. Ачарян, *Армянская письменность*, стр. 106; Я. А. Манандян, *Критический обзор...*, стр. 257—259.

¹⁷ Об уничтожении всего письменного наследия языческих времен в процессе христианизации, разумеется, не может быть и речи. Между тем сторонники данной гипотезы предлагают именно такое объяснение.

zkaps, zsiwłobays), т. е. по недостатку в нем знаков для гласных, ясно, что речь идет об алфавите на арамейской основе¹⁸. Что это не было сирийское письмо (*эстрангело*) или другой распространенный в это время алфавит, например пехлевийский (в котором, кстати, и знаков меньше — 20), можно считать несомненным: а) эти письменности были достаточно хорошо известны и распространены в Армении, чтобы не представлять раритета, как например «данииловы письма», и получить точное определение в армянских источниках V в.; б) попытка найти прототипы армянских букв в знаках *эстрангело* или среднеиранских письменностей как лапидарных (*пахлавик*, *парсик*), так и курсива (*пехлеви*) давали (исключая, быть может, два-три знака) малоубедительные результаты ввиду неизбежных палеографических натяжек.

Распространенность на территории исторической Армении (как и в Грузии) арамейского письма северомесопотамского типа позволяет, мне кажется, высказать, пока в виде рабочей гипотезы, предположение, что хранившийся в Арзне (?) образец алфавита «чужой письменности», «заброшенной нашими предками», был вариантом северомесопотамского письма, очевидно, очень близким как варианту, характерному для области Тур-Абдин, представленному надписями Сари и Хасан-кефа, так и гарнийско-армазскому. Нам неизвестны начертания знаков того алфавита, который оказался в Арзне (?) у Даниила (письмо было, несомненно, не лапидарное; вряд ли Даниил хранил камень, скорее всего это был кусок кожи или пергамена с азбукой), и у нас нет возможности их восстановить. Однако сравнение ряда знаков самого раннего из дошедших до нас образцов армянского письма — месроповского *еркатагира* последней четверти V в. со знаками известных нам видов северомесопотамского арамейского письма указывает, несмотря на поворот некоторых знаков в связи с переменной направления письма, стилистическую переработку и т. п., на большую их близость и позволяет постулировать генетическую связь большинства знаков армянского письма с одним из вариантов арамейского письма Северной Месопотамии, пока еще не обнаруженным. В таблице, приведенной для наглядности, про-

¹⁸ Как было изложено выше, к этой мысли стали приходить уже 100 лет назад. Между прочим, Г. Ачарян (*Три вопроса, связанные с месроповским алфавитом*, — «Эчмиадзин», 1946, авг. — окт., стр. 38—39), считая «данииловы письма» не чем иным, как арамейским алфавитом, объясняет определение их в источниках как армянских произведенным в это время переосмыслением, основанным на созвучии слов агатеап, агатеакан «арамейский» и агатеап «Арамов; относящийся к Араму, легендарному предку армян» > «армянский» (что вряд ли убедительно).

	ЗЕФАНТ. ПАПИРУС V ДОИЗ	АРАБИССИ III-IV ВВ ДОИЗ	СЕВАН IV ДОИЗ	ЗСТРАН- ГЕЛД I ДОИЗ	ПААММРА	МАНИХЕ- СКОЕ ПИСЬМО	ХАТРА	АССУР	САРИ И ХАСАН- КЕФ	ГАРНИ	АРМАЗИ, БОРИ
а	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁⲕ	Ⲁ	ⲀⲚ	Ⲁ	ⲀⲚ	Ⲁ	ⲀⲚ
в	Ⲃ	Ⲃ	ⲂⲂ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
г	Ⲅ	Ⲅ		Ⲅ	Ⲅ	Ⲅ	Ⲅ	Ⲅ	Ⲅ	Ⲅ	Ⲅ
д	Ⲇ	Ⲇ	ⲆⲆⲆ	Ⲇ	Ⲇ	Ⲇ	Ⲇ	Ⲇ	Ⲇ		Ⲇ
е	Ⲉ	Ⲉ		ⲈⲈ	Ⲉ	Ⲉ	Ⲉ	Ⲉ	Ⲉ	Ⲉ	ⲈⲈ
у	Ⲋ	Ⲋ	Ⲋ	Ⲋ	Ⲋ	Ⲋ	Ⲋ	Ⲋ	Ⲋ	Ⲋ	Ⲋ
z	Ⲍ	Ⲍ	Ⲍ	Ⲍ		Ⲍ	Ⲍ		Ⲍ	ⲌⲌ	ⲌⲌ
и	Ⲏ	Ⲏ	Ⲏ	Ⲏ	Ⲏ	Ⲏ	Ⲏ	ⲎⲎ	Ⲏ		Ⲏ
т	Ⲑ	Ⲑ		Ⲑ	Ⲑ	ⲐⲐ	Ⲑ	Ⲑ	Ⲑ		ⲐⲐ
ј	Ⲓ	Ⲓ	ⲒⲒ	Ⲓ	Ⲓ	Ⲓ	ⲒⲒ	Ⲓ	Ⲓ	Ⲓ	ⲒⲒ
к	Ⲕ	Ⲕ	Ⲕ	Ⲕ	Ⲕ	Ⲕ	Ⲕ	Ⲕ	Ⲕ	Ⲕ	Ⲕ
л	Ⲗ	Ⲗ	ⲖⲖ	Ⲗ	Ⲗ	Ⲗ	Ⲗ	Ⲗ	Ⲗ	Ⲗ	Ⲗ
м	Ⲙ	Ⲙ	Ⲙ	Ⲙ	Ⲙ	Ⲙ	Ⲙ	ⲘⲘ	Ⲙ	Ⲙ	ⲘⲘ
н	Ⲛ	Ⲛ	Ⲛ	Ⲛ	Ⲛ	Ⲛ	Ⲛ	ⲚⲚ	Ⲛ		Ⲛ
с	Ⲝ	Ⲝ	Ⲝ	Ⲝ	Ⲝ	Ⲝ	Ⲝ	Ⲝ	Ⲝ	Ⲝ	Ⲝ
с	Ⲟ	Ⲟ		Ⲟ	Ⲟ	Ⲟ	Ⲟ	ⲞⲞ	Ⲟ		ⲞⲞ
р	Ⲡ	Ⲡ		Ⲡ	Ⲡ	Ⲡ	Ⲡ	ⲠⲠ	Ⲡ		Ⲡ
ѕ	Ⲣ			Ⲣ	Ⲣ	Ⲣ	Ⲣ	Ⲣ	Ⲣ		Ⲣ
q	Ⲥ	ⲤⲤ	Ⲥ	Ⲥ	Ⲥ	Ⲥ	Ⲥ	Ⲥ	ⲤⲤ		Ⲥ
г	ⲧ	ⲧ	ⲧⲧⲧ	ⲧ	ⲧ	ⲧ	ⲧ	ⲧ	ⲧ	ⲧⲧ	ⲧ
ѕ	ⲩ	ⲩ	ⲩ	ⲩ	ⲩ	ⲩ	ⲩ	ⲩ	ⲩ		ⲩⲩ
т	ⲫ	ⲫ	ⲫ	ⲫ	ⲫⲫ	ⲫ	ⲫ	ⲫⲫ	ⲫ		ⲫ

Рис. 1. Сравнительная таблица арамейских алфавитов

тив армянских букв стоят соответствующие знаки, подобранные из разных вариантов северомесопотамского письма первых веков нашей эры: разумеется, ни один из этих знаков, как бы близок он ни был армянской букве, не может рассматриваться как ее конкретный прототип. Рабочим материалом при изобретении армянского письма мог служить только определенный вариант северомесопотамского арамейского письма, имевший хождение на юге Армении в первые века нашей эры, а не сводная таблица синхронных ему алфавитов.

Поскольку новому письму было дано направление, обратное арамейскому, то и некоторые его знаки оказались обращенными вправо: эта общая перемена направления письма неизбежно должна была отразиться и на начертаниях знаков (в том числе и тех, которые сохранили свою первоначальную обращенность влево); правая их половина как бы «утяжеляется». Если у арам. «п» нижний горизонтальный загиб ствола буквы вправо сравнительно невелик, то у армянской буквы он несколько продолжен в сторону правого угла, т. е. в полном соответствии с новым направлением письма. Новое письмо подверглось также и стилистической обработке, — причем эталоном служило греческое унциальное письмо этого времени, — и унификации. Интересно отметить, что арам. † отражается в армянском как t и в фонетическом отношении, как и арам. t > арм. t', но мы имеем и нарушение этого соотношения в случае с арм. k, k'. Армянский знак для k' восходит к арам. *коф*'у (но никак не к греч. χ): нижняя часть вертикального ствола армянской буквы перечеркнута горизонтальной линией, образуя форму креста, возможно, по ассоциации с именем Христа — арм. K'ristos. 'Алеф, вав, йод уже в арамейском использовались как *matres lectionis*, и не удивительно поэтому, что они и в армянском дали знаки для соответствующих гласных а, о, у (сонант; о нем см. ниже).

Прежде чем перейти к другим знакам и особенно отсутствующим в арамейском алфавите, что должно нас неизбежно ввести в «лабораторию» Маштоца, не мешает остановиться на тех общих принципах, которыми он руководствовался. Основной целью (и принципом) Маштоца было создание фонетического армянского письма: эта мысль подчеркивается у Корюна и в других текстах, где налицо противопоставление неполноценности и недостаточности «даниловых писем» необходимости, по замыслу Маштоца (и Саака Партева), отразить в письме полный звуковой состав армянского языка. В выражении Лазаря Парбского *zat'ut'ayicn galap'ar est ansayt'ak'ut'ean yunin* слово *ansayt'ak'ut'iwn* Г. Онкер вслед за И. Марквартом переводит «неизменяемость» («Unwandelbarkeit»)

ФОНЕТ. ЗНАЧ.	ВАРИАНТЫ СЕВЕРОМЕСОПОТАМСКОГО АРАМЕЙСКОГО ПИСЬМА	АРМЯНСКОЕ ПИСЬМО КОНЦА V в. н. э.	ФОНЕТ. ЗНАЧ.
а	𐤀 Хатра 𐤁 Гарни 𐤂 Армази	ա	а
б	𐤃 Пальмира 𐤄 Хатра	բ բ	б
г	𐤅 эстрангело 𐤆 Пальмира } Гарни	գ	г
д	𐤇 Хасан-кеф, Хатра, Ассур 𐤈 Пальмира	դ	д
х/г	𐤉 Ассур 𐤊 Хасан-кеф, Армази, Гарни	չ	х
в	𐤋 эстрангело (раннее)	ւ	о
х/г	𐤌 Пальмира 𐤍 эстрангело (раннее)	հ	х
т	𐤎 Хатра, Ассур 𐤏 Пальмира, Армази	տ	т
к	𐤐 Пальмира	կ	к
л	𐤑 Ассур, Хатра 𐤒 Пальмира	լ լ	л
м	𐤓 Борн, Гарни и др.	մ Մ	м
н	𐤔 Пальмира 𐤕 Хатра, Ассур 𐤖 Х-к, Сари 𐤗 Армази, Борн	ն ն	н
р	𐤘 эстрангело 𐤙 Пальмира	ր ռ	р
к'	𐤚 эстрангело 𐤛 Сари, Хасан-кеф	ք	к'
г	𐤜 Ассур, Хатра, Х-к 𐤝 Гарни	ր ռ	г
ш	𐤞 Ассур, Хатра	շ	ш
т'	𐤞 эстрангело 𐤟 Хатра 𐤠 Сари	տ	т'

Рис. 2. Сравнительная таблица знаков северомесопотамского арамейского письма и армянского письма V в. н. э.

и трактует его следующим образом: «местное письмо было создано по образцу неизменяемости греческих знаков, что может быть понято только как противопоставление унциаль-

ного письма курсиву с лигатурами и различным написанием букв в конце и в начале слова»¹⁹. Не говоря уже о том, что унциальный характер письма вряд ли мог определяться как исключительная и характерная особенность греческой системы, самый перевод несколько неточен. В тексте Лазаря говорится о том, что Маштоц создал «модель письма (at'ut'auk', буквы, но также и «связь между ними, письмо») по подобию устойчивости²⁰ греческого».

Здесь действительно можно усмотреть «противопоставление», но не унциального письма курсиву, а двух систем, двух концепций письма, греческой и сиро-арамейской, имевших действительно принципиальное различие. Согласно сирийской концепции письма, хорошо известной по трудам сирийских грамматиков, буква, составляя часть писаного слова, представляет не просто согласный звук, а согласный, сопровождаемый гласным, т. е. силлабическую единицу, в которой основным элементом является согласный и только он обычно и представлен в письме. Гласные сирийцами рассматриваются как «движения» между согласными и называются у них «движущимися, дрожащими, трясущимися» (zu'a), не имеющими точного отражения в письме²¹. Этой концепции, естественно, противостоит греческая система строго фонетического письма, которая и представлялась образцом получившему греческое образование Маштоцу. В пользу такого понимания выражения Лазаря говорит и параллельное место (III, 53) в тексте Моисея Хоренского (перифраза?): ...zhayerēn at'ut'aysn əst ansayt'ak'ut'ean siwłabayiçn hellenaçwoç, где вместо «устойчивости греческого» мы имеем: «устойчивость слогов (siwłabay) эллинов».

Для выяснения исходных принципов Маштоца очень интересно определение (уже приводившееся выше), каким воспользовался Корюн для характеристики изобретенных Маштоцом армянских письмен, которые тот привез Руфину для окончательной графической доработки. Весь набор письмен Корюн подразделяет на «тончайшие» (nrbagoyn), «короткие» (karč) и

¹⁹ См. J. Marquart, *Über den Ursprung...*, S. 33—34; H. Junker, *Das Avestaalphabet und der Ursprung der armenischen und georgischen Schrift*, — «Caucasica», 1925, 2, S. 5—6. Г. В. Церетели, излагая положения Юнкера, пишет о «неповоротливости» знаков армянского письма (см. *Армянское письмо и проблема происхождения грузинского алфавита*, — ЭВ, 1949, III, стр. 62), видимо, спутав два немецких глагола — wandeln и wenden.

²⁰ Арм. ansayt'ak'ut'iwn, букв. «отсутствие скольжения», в перен. смысле «отсутствие колебания», «устойчивость».

²¹ См. J. B. Segal, *The Diacritical Point and the Accents in Syriac*, Oxford, 1953, p. 6 sq.

«длинные» (երկայն), «отдельные» (աճախյին) и «двойные» (или «удвоенные», կրկնաբոց). Эти определения приводят нас к источнику, несомненно, являвшемуся одним из важных элементов в греческом образовании Маштоца и, что особенно важно, безусловно влиявшему на его представления о фонетике и письме.

Этот источник — «Искусство грамматики» Дионисия Фракийского — сочинение, пользовавшееся широкой известностью и усиленно комментировавшееся. В греческих академиях интересующей нас эпохи это произведение составляло один из основных пунктов программы; не удивительно поэтому, что «Искусство грамматики» Дионисия Фракийского оказалось наряду с сочинениями Филона Еврея одним из первых ученых трудов, переведенных с греческого на армянский язык представителями так называемой «грекофильской школы»²². В главе «О букве» этого труда (Dionys. Thrac., *Ars gramm.*, § 6) дана классификация букв (resp. звуков), идентичная той, которую Корюн приписывает Маштоцу, и являющаяся, безусловно, прототипом этой последней. По Дионисию Фракийскому, буква (resp. звук) может быть «короткой», βραχύς (= арм. karč) или «длинной», μακρός (= арм. еrкаун), «тонкой», ψιλός (арм. пурб, ср. степ. քbagоуn) или «густой, плотной», δασύς (в тексте Корюна отсутствует, но упоминается ее антипод, քbagоуn), а также «двойной», διπλοῦς (арм. կրկնաբոց), или же, напротив, «отдельной» (арм. աճախյին). Что классификация, сохранившаяся в тексте Корюна, не является интерполяцией, внесенной из древнеармянского перевода «Грамматики» Дионисия, следует как из того, что в древнеармянском переводе Дионисия терминология эта выражена иными однозначными словами²³, так и из факта использования Маштоцом (это будет показано ниже) системы Дионисия Фракийского при выделении им фонем древнеармянского языка и «выкраивании» для них знаков. В этой связи особенный интерес вызывает представление о «двойном», или «удвоенном», звуке, resp. букве. По Дионисию, их — три (ζ, ξ, ψ) и являются они «двойными», так как состоят из двух звуков. У армянского переводчика Дионисия число их (применительно к армянскому языку) значительно больше, восемь (q, l, lu, z, z', z'', n, g). Представление греческих грамматиков о том, что «буква», τὸ στοιχεῖον, есть «звук», ἢ ἐκφώνησις, было присуще и древнеармянским толкователям

²² См. Н. Адонц, *Дионисий Фракийский и армянские толкователи*, Пг., 1915.

²³ В армянском переводе Дионисия βραχύς передается словом suł, ψιλός — пурб, երկ, διπλοῦς — կրկնաբ, δασύς — stuar, γοуr, t'aw.

Дионисия, разделявшим также и общие взгляды греческого грамматика на соотношение между письмом и речью²⁴. Не удивительно поэтому не только выделение Маштоцом в армянском языке «двойных» фонем, но и проведение им этого принципа при создании их графических эквивалентов, отсутствовавших в арамейской письменности.

Изучение знаков армянского письма показывает, что северомесопотамский алфавит, использованный Маштоцом в качестве «рабочей письменности», не был единственным его источником. Из греческого (унциального) письма, видимо, были заимствованы прототипы для гласных е, і (седьмой знак армянского алфавита, возможно, является модификацией пятого) и для губного придыхательного р', что соответствует фонетическому отражению греческого звука в древнеармянском языке. Нелегкую проблему представляли аффрикаты и шипящие, отсутствовавшие в греческом и в арамейском, как и веллярное ƒ. Между тем некоторые из этих звуков существовали в хорошо знакомом верхушечным слоям армянского общества того времени среднеперсидском языке, но передавались в среднеперсидском письме одним знаком, происшедшим от арам. *цаде*. Эта буква могла служить графическим эквивалентом иран. č, ç, j, z. Маштоц использовал знак курсивного пехлеви, придав ему противоположное направление, для передачи арм. ç, и, с некоторой модификацией, — арм. j. Прототипом армянской буквы, передающей веллярное ƒ, послужил *ламед* пехлевийского курсива (сев.-месоп. *ламед*, как мы видели, был использован Маштоцом для передачи простого l), а для выделенной им фонемы џ (w) из того же письма был заимствован *вав*²⁵. При этом вертикальный ствол пехл. *вав*'а был продлен вниз, возможно, во избежание слияния этого знака с арм. l, также имеющим очертания прямого угла и обращенным в ту же сторону. Для ряда фонем, которые Маштоц считал «двойными» (в частности, у, рассматривавшегося им как двойное і, «раскатистого» ɣ, разлагавшегося им на ɣ+ɣ, или v, представлявшегося ему в виде удвоенного w (џ) и т. д.), знаки изобретались путем сдвигания соответствующей «отдельной» (ադանի) буквы. «Рабочей» формой для арм. č (č) послужил «схематизированный» вариант сдвоенного пехлевийского знака (с этой и с другими «рабочими» формами Маштоца мы встретимся и в дальнейшем

²⁴ Н. Адонц, *Дионисий Фракийский...*, стр. CLIII—CLV.

²⁵ Ср. написание этого знака в среднеперсидских письмах из Дур-Эвропос (III в. н. э.) и в пехлевийской Псалтири. *Вав* северомесопотамский имел иное начертание и был использован Маштоцом в качестве знака для о.

ИСХОДНЫЙ ЗНАК	« РАБОЧАЯ » ФОРМА	АРМЯНСКАЯ БУКВА V В.
ГРЕЧ. Ε (e)		Ե (e)
ГРЕЧ. Φ (ph)		Փ (p ^ϕ)
ПЕХЛ. Ϛ (č, j, ž, z)		Չ (č)
— " —		Ձ (j)
ПЕХЛ. ϛ (e/r)		Ջ (ℓ)
ПЕХЛ. Ϝ, Լ (w)		Դ (u=w)
АРАМ. ܘ (y)	($\bar{l} + \bar{l}$)	Յ (y)
УВ. АРМ. Ր (r, из АРАМ)	(r+r) $\Gamma + \Gamma = \Gamma\Gamma$	Ր (r)
ПЕХЛ. Լ (w)	(w+w)	Վ (v)
ПЕХЛ. Ϛ (č, j, ž, z)	(č+č)	Ջ (j)
— " —	(č+č)	Շ (č)
— " —	(č+č)	Շ (c)

Рис. 3. Предположительное происхождение некоторых знаков армянского письма.

в связи с грузинским и албанским письмом). Существует известное расхождение в перечне «двойных» согласных, которые армянский переводчик и толкователи Дионисия выделили в древнеармянском языке в подгонку под нормы Дионисия,

с тем рядом «двойных», который выделил Маштоц. Отчасти это можно объяснить большим влиянием на переводчика дионисиева текста греческих норм: так, например, арм. *z* он «разлагает» на *s+d* в точном соответствии с греч. *дзетой*; арм. *ž* рассматривается им как «двойной», очевидно, не без воздействия того факта, что буква эта в армянском алфавите занимает место греч. *кси*.

Таким образом, используя в качестве «рабочей» письменности для создания армянских букв письменность арамейскую — обстоятельство, случайное для Маштоца, человека скорее «грекофильской» формации, но не случайное в плане исторических и культурных традиций его страны, — Маштоц следовал греческим нормам во всем остальном. Это касается и общих принципов фонетики и письма: и его фонетического характера, и направления письма, и способа передачи дифтонгов, и порядка букв алфавита, и их цифрового использования. Армянский гласный и представлен в письме в виде «ложного» дифтонга *оц* (*ու*) по образцу греч. *ОГ*; армянские дифтонги *ац*, *ец* (*աւ*, *եւ*), ср. греч. *АГ*, *ЕГ*.

Рассказывая о подвиге Маштоца, армянские авторы подчеркивают, что он установил изобретенные буквы в определенном (= алфавитном) порядке (*кагеас*) и дал им название (*п̄запакеас*). В расположении букв Маштоц следовал порядку греческого алфавита, но так как армянских знаков было 36 против 24 греческих, то дополнительные знаки он расположил вразбивку между теми, которые соответствовали буквам греческого алфавита. При этом армянское велярное *й* оказалось в позиции между *к* и *п*, т. е. на месте греч. *лямбды* = *λ*, которую оно и отражает в греческих заимствованиях. По этому же принципу и армянский знак для *к'* оказался на последнем месте, выступая как отражение греч. *χ*. Буквы и их порядок, по аналогии с греческими, приобрели цифровое значение: десятая буква армянского алфавита *ž* стала обозначать первый десяток и т. д. Названия букв были придуманы самим Маштоцом; интересно отметить, однако, что в ряде случаев названия букв использованного им арамейского письма были им оставлены с очень небольшим «редактированием»: так, «*гим*» (= *гимел*), «*зай*» (= *зайн*), «*ну*» (= *нун*), «*вев*» (= *вав*).

Выше уже говорилось о том, что армянская историческая традиция приписывает Месропу Маштоцу активное участие также и в создании грузинской и албанской письменностей. Между тем в научной литературе высказывалось (И. А. Джавахишвили, Г. В. Церетели) более чем скептическое отношение к этому свидетельству армянских источников; при этом подвергалась сомнению и роль Маштоца в создании армян-

ской письменности²⁶. Из приведенного анализа исторических свидетельств и данных системы армянского письма и происхождения его знаков следует, что армянская письменность — не плод стихийного исторического развития, а тщательно продуманное изобретение одного лица, следовавшего известным принципам, характерным для деятеля «грекофильской» школы IV—V вв. н. э. Историчность личности Месропа Маштоца, а также его роль в создании армянской письменности, о чем нам сообщают его же современники, не вызывают сомнения. Таким образом, в части, касающейся происхождения армянской письменности, показания наших исторических источников вполне достоверны. Заслуживают ли доверия их показания о происхождении грузинской и албанской письменностей, и в какой мере?

Прежде чем пытаться ответить на этот вопрос, мне хотелось бы остановиться на тех теориях происхождения грузинского письма, которые выдвинули И. А. Джавахишвили и Г. В. Церетели.

В 1926 г. И. А. Джавахишвили опубликовал большую работу по грузинской палеографии²⁷, один раздел которой посвящен проблеме происхождения грузинского письма в ее новом освещении. Армянская версия безоговорочно отвергается. Обоснование: а) разный порядок букв в грузинском и армянском алфавитах; б) законченность очертаний грузинских знаков памятников VI в. предполагает длительный период предыстории; в) то обстоятельство, что «новые», т. е. расходящиеся с греческим (и семитическим) алфавитом знаки для передачи фонем, свойственных грузинскому языку, помещены в конце грузинского алфавита, следует рассматривать как доказательство исторической эволюции грузинского алфавита, совершенствовавшегося и пополнявшегося в ходе своего развития новыми, дополнительными знаками. Грузинское письмо, по мнению И. А. Джавахишвили, много древнее армянского. Что касается анализа очертаний знаков грузинского письма, то И. А. Джавахишвили берет отдельные элементы той или иной грузинской буквы (или ее направление) и подыскивает сходные элементы в соответствующем знаке разнообразнейших семитических письменностей разных веков и географических широт. Так, например, груз. *d*, по его мнению, имеет общего предка с греч. *дельтой* и с финик. *да-*

²⁶ «Для нас в настоящее время соображения относительно Маштоца и изобретения им грузинского и даже армянского письма имеют мало значения» (Г. В. Церетели, *Армянское письмо...*, — ЭВ, 1949, III, стр. 62).

²⁷ И. А. Джавахишвили, *Грузинская палеография*, Тбилиси, 1926; изд. 2: Тбилиси, 1949 [на груз. яз.].

летом, т. е. восходит к какой-то раннефиникийской письменности. Общая картина формулируется И. А. Джавахишвили следующим образом: «Элементы сходства в очертании той или иной грузинской буквы мы встречаем то в финикийском и сидоно-пуническом, то в моавитском и в древнейшем еврейском, то в арамейском и пальмирско-набавейском, а иногда в сабейском и химьяритском»²⁸. Представляя, таким образом, грузинское письмо в виде смешения различных семитических письменностей, имевших распространение в разные эпохи (от начала первого тысячелетия до н. э. вплоть до первых веков н. э.) в разных уголках Передней Азии и Средиземноморья вплоть до Аравийского полуострова, и чувствуя, очевидно, слабость своей позиции при производстве одного грузинского знака от столь большого количества прототипов, И. А. Джавахишвили предлагает ограничить круг «прототипов» рубежом IV в. до н. э., полагая за исходный момент развития грузинского письма IX в. до н. э.; элементы же сходства, которое, по его мнению, грузинское письмо V—VI в. н. э. обнаруживает с перечисленными семитическими письменностями, следует объяснить развитием этого письма на грузинской почве, насчитывавшим к VI в. н. э., как полагает И. А. Джавахишвили, уже полуторатысячелетнюю историю. Раздел о возникновении грузинского письма И. А. Джавахишвили заключает следующими словами: «...Оригиналом для грузинской письменности могла послужить только финикийская, сидонская и пуническая, с одной стороны, с другой стороны — древнейшая еврейская вместе с самаританской до IV в. до н. э., и с третьей — арамейская до VII в. до н. э.»²⁹. Теория И. А. Джавахишвили не получила критической оценки со стороны Г. В. Церетели, выступившего в связи с находкой армазских надписей со специальной статьей, посвященной проблеме происхождения грузинского алфавита³⁰. Г. В. Церетели, видимо, не разделяет (во всяком случае полностью) взглядов своего предшественника в этом вопросе, но и для него несомненно существование грузинского письма задолго до армазских памятников (полное отсутствие памятников грузинского письма до V в. н. э. в статье даже не упоминается); более того, он находит возможным говорить о влиянии грузинского письма на армазское. По мнению Г. В. Церетели, «общий стиль армазского письма, загибы стволлов и добавочные элементы букв значительно приближаются к грузин-

²⁸ И. А. Джавахишвили, *Грузинская палеография*, изд. 2, стр. 233.

²⁹ Там же, стр. 234.

³⁰ Г. В. Церетели, *Армазское письмо...*, стр. 59—71.

скому». Это утверждение, однако, ничем не обосновывается. Если под «общим стилем» армазского письма разуметь вытянутость линий в вертикальном направлении, то в грузинском письме такой стиль возникает только в позднем средневековом курсиве — *мхедрули* (XI в. н. э.). Что же касается добавочных элементов, то Г. В. Церетели не выделял их в сравниваемых им письменностях и не подвергал анализу. Но даже проделав это, исследователь оказался бы в трудном положении, постулируя влияние добавочных элементов грузинских букв в том виде, в каком эти элементы засвидетельствованы, в лучшем случае, для конца V в.³¹, на добавочные элементы арамейских букв, засвидетельствованные на четыре-пять веков раньше. Казалось, естественнее и логичнее было бы пытаться показать обратное, но тогда пришлось бы отказаться от постулируемой древности грузинского письма.

³¹ Наиболее ранним памятником грузинского письма до недавнего времени считались надписи Болнисского Сиона (493 г. н. э.). В последние годы были открыты новые грузинские надписи в Палестине (очертания знаков этих выполненных мозаикой надписей не отличаются от болнисских). Г. В. Церетели датирует две из них 433 г. н. э., считая, что составитель их — Петр Ивер. В связи с этим Г. В. Церетели, вновь затрагивая вопрос о происхождении грузинского письма, видит в палестинских надписях свидетельство, опровергающее традицию об изобретении грузинского письма в начале V в. (Г. В. Церетели, *Древнейшие грузинские надписи в Палестине*, Тбилиси, 1960; то же в «Беди Карглиса», XI—XII, № 36—37, 1961, стр. 111—130). Следует, однако, отметить, что датировка палестинских надписей, предложенная Г. В. Церетели, отнюдь не может рассматриваться как окончательная, поскольку сами эти надписи найдены в комплексе, относящемся к VI в., причем в этом же комплексе обнаружена еще одна мозаичная надпись, выполненная в точно таком же художественном стиле и имеющая такой же дуктус, что и две другие, но датированная самим Г. В. Церетели VI в. отождествление Маруана, упоминаемого в надписи, с Петром Ивером вызывает сомнение, поскольку трудно предположить, чтобы в монастырской надписи духовное лицо — Петр Ивер — выступало под своим мирским именем (Маруан). Точно так же Бурзен, выступающий в надписи после Маруана, вряд ли может быть отождествлен с отцом Петра Ивера, носившим имя Бурз-Михр. Имя, идущее после Бурзена, — Бакур — рассматривается Г. В. Церетели как имя грузинского царя, деда Петра Ивера, однако в надписи указано, что Бакур — один из воспитанников Маруана и Бурзена. Если принять датировку Церетели, то выйдет, что Петру Иверу во время составления надписи было 24 года — возраст, в котором он вряд ли мог иметь воспитанников, причем в двух поколениях (в надписи упоминаются как воспитанники, так и дети этих воспитанников). Но если даже принять датировку, предложенную Г. В. Церетели, то и тогда палестинские надписи не могут рассматриваться как опровержение свидетельства традиции об изобретении грузинского письма. Для вновь созданной письменности отнюдь не следует предполагать необходимость длительной обработки отдельных знаков — формы букв, отраженные в палестинских надписях, могли быть совершенно идентичны изобретенным в начале V в. (напротив того, изменения в начертаниях знаков могли произойти только в ходе длительного последующего развития).

Кстати, вытянутые в вертикальном направлении линии характерны и для арамейского письма Хатры и Ассура и в известной мере для гарнийского, да и для «добавочных элементов» армазского письма можно найти аналогии в арамейских пошивах Северной Месопотамии.

Между тем для выяснения источника грузинского письма было бы интересно и важно установить сходство в начертании и не одной³², а хотя бы группы грузинских букв со знаками армазского письма, которым пользовались в Грузии за несколько веков до первых памятников грузинского письма. Г. В. Церетели дает три таких сближения (груз. р' — армаз. р; груз. s — армаз. s; груз. ç — армаз. ş), хотя и в обратном смысле. Однако эта попытка вряд ли удачна: грузинский знак для р' совершенно тождествен греч. *φι* и арм. р', с которыми он совпадает также и фонетически, тогда как с армаз. р его можно связать лишь с натяжкой (недаром Г. В. Церетели взял только один графический вариант этого армазского знака). Развитие армаз. *самеха* из общеарамейского (ср. знаки Reichsaramäisch, Элефантины, Севана) не подлежит сомнению; нижний же загиб длинного ствола этой буквы вправо имеет место (в большей степени) в Гарни и в Сари, тогда как груз. s *асомтаврули*, если только он генетически связан с армазским, пришлось бы свести к вертикальному стволу с загибом (несколько большим в данном случае) армаз. *самеха*, и уж, конечно, очертание армаз. *самеха* не было наваяно грузинской буквой. Интереснее в принципе предположение Г. В. Церетели, касающееся происхождения знаков для грузинских шипящих и свистящих аффрикат от арам. *цаде* при помощи различных его модификаций. Такое развитие арам. *цаде* засвидетельствовано в других письменностях, что было отмечено и Г. В. Церетели, и грузинский пример вполне «вошел бы в кадр». Но и тут налицо, как мне кажется, два слабых пункта: во-первых, сопоставление с армазским знаком не древнейшей известной нам формы соответствующих грузинских букв — *асомтаврули хуцури*, — засвидетельствованных как в многочисленных грузинских рукописях, написанных унциальным письмом, так и в самых древних памятниках грузинской эпиграфики — надписях Болнисского Сиона (конец V в. н. э.), а более поздних — грузинского строчного письма *нусхури*; во-вторых, допущение того, что четыре грузинских знака для аффрикат могли быть заимствованы из четырех вариантов *цаде*, относящихся к четырем

³² Сходство в начертании одного знака может быть и случайным.

разновидностям семитической письменности разных эпох и ареалов распространения.

В трех стилях грузинского письма — *асомтаврули хуцური*, *нусхури* и *мхедрули* — Г. В. Церетели склонен усматривать три синхронных ответвления древнейшего незавидительствованного грузинского письма (см. ЭВ, III, стр. 71). «Трудно допустить мысль, — пишет он, — что письмо нусхури создано именно в ту эпоху, в которую оно впервые встречается (т. е. вторая половина IX в. н. э. — А. П.)». Между тем такое допущение диктуется не только фактическим положением в известных нам памятниках грузинской письменности, но и совершенно аналогичным параллельным развитием в других письменностях, в частности в армянской, где мы имеем в тот же промежуток времени три последовательно развившихся стиля письма: месроповский *еркатагир* (унциальное письмо), *болоргир* (строчное) и *нотргир*, так называемое «нотариальное», или светское, письмо (при этом первые два стиля письма — армянского и грузинского — настолько похожи внешне, что лицу непосвященному с первого взгляда трудно отличить, к примеру, армянскую рукопись *болоргир* от грузинской *нусхури*). Разумеется, вполне возможно, что *нусхури* возникло не в IX в., а, скажем, в VIII или даже в VII в. — то же справедливо и для *болоргира* — ведь до нас дошли только единичные рукописные памятники до IX в. н. э. Последовательность же развития от *мтаврули* к *нусхури* и от *нусхури* к *мхедрули* прекрасно прослеживается палеографически, что было отмечено еще Броссэ [см. М. F. Brosset, *Chronique géorgienne* (Paris, 1831), p. 129]; это можно видеть и по сводной таблице, приложенной к книге И. А. Джавахишвили, и по атласу грузинской письменности, изданному И. Абуладзе [см. И. Абуладзе, *Образцы грузинского письма, V—XVIII вв.*, (Тбилиси, 1949)]. Различия в очертаниях отдельных букв в *мтаврули* и в *нусхури* (как и в *еркатагире* и в *болоргире*) легко объяснимы: в любой письменности при переходе от унциального письма к строчному головки знаков оказываются на линии строки, а другие их части — под строкой или над нею, что сразу меняет соотношения в первоначальной взаимной конфигурации букв и дает первый серьезный толчок к их деформации, за которым идет следующий этап развития, обусловленный появлением курсивности в письме. Новые элементы в букве, равно как изменения в ее общем начертании, как правило, при достаточном количестве сравнительного палеографического материала, находят простое объяснение из указанных выше факторов, сходство же этих вторичных элементов с теми, которые имеются в знаках

их отдаленных (мнимых или даже реальных) прототипов, чисто случайное в плане их генетической близости. Так, например, знак для $\zeta(w)$ арм. *болоргира* обнаруживает куда большее сходство со своим отдаленным прототипом, пехлев. *вавом*, чем посредствующее звено, $\zeta(w)$ *еркатагира*, из которого он развился; знак для y *болоргира* весьма похож на \jmath европейских алфавитов, с которыми он никак не связан исторически; знак для t *болоргира* удалился от своего прототипа — t *еркатагира*, а буква k' в *нотргире* стала писаться совершенно так же, как писался соответствующий знак в грузинском *мтаврли*. Пользуясь неисторичным методом сравнения, можно установить «сходства» между знаками каких угодно алфавитов: так, И. А. Джавахишвили, постулировавший финикийско-арамейское происхождение грузинской письменности, находил для начертаний грузинских букв параллели в знаках сабейско-химьяритского письма³³.

Вряд ли поэтому можно согласиться с Г. В. Церетели (см. ЭВ III, стр. 71) в том, что одна часть той же буквы сохранила более архаическое начертание в *мтаврли*, а другая ее часть — в *нусхури*, или принять его рассуждения о том, что добавочный штрих (вернее, зубец) в верхней части буквы ζ , придающий этой ее части зигзагообразную форму, который встречается в грамоте Баграта IV (середина XI в.), является реминисценцией еще финикийской формы *цаде*. Несостоятельна не только методика научной аргументации выдвинутой И. А. Джавахишвили теории финикийского происхождения грузинской письменности³⁴, но даже в качестве сколько-нибудь вероятной гипотезы она не имеет под собой исторической почвы. Полностью отсутствуют памятники грузинской письменности до V в. н. э. (или хотя бы упоминания о них в более древних источниках), которые могли бы оправдать подобную постановку вопроса, — и это несмотря на то, что на территории Грузии вскрыт уже не один археологиче-

³³ Аналогичным пороком обладает и научно-популярная брошюра Г. Севака *Месроп Маштоц. Возникновение армянского письма и словесности*, Ереван, 1962. Брошюра Г. Севака вышла в свет уже после того, как данная статья была подготовлена к печати, и не могла поэтому найти в ней отражения. Как я узнала из этой брошюры (стр. 58—64), Г. Севак первый обратил внимание на связь классификации изобретенных Маштоцом букв у Корюна с «Искусством грамматики» Дионисия Фракийского, не сделав, однако, из этого верного наблюдения дальнейших выводов.

³⁴ Еще в 1928 г. С. Н. Какабадзе в рецензии на «Грузинскую палеографию» И. А. Джавахишвили (см. «Исторический сборник», Тифлис, I, 1928, стр. 146—147, на груз. яз.) справедливо указывал на методологический дефект, обесценивающий эту часть книги.

ский комплекс, относящийся к периоду от начала I тысячелетия до н. э. до V в. н. э.

Таким образом, у нас нет, во всяком случае в настоящее время, никаких положительных данных, дискредитирующих версию изобретения грузинского (как и албанского) письма в начале V в. н. э. Я имею в виду как факты эпиграфики, так и общую оценку исторической обстановки в Армении, Грузии и Албании на рубеже IV—V вв. и взаимоотношения между этими странами, что, безусловно, имеет значение для возможности связывания факта изобретения армянской письменности Месропом Маштоцом с созданием своей письменности в указанных странах в тот же период. Как известно, создание армянской письменности было не только культурно-миссионерской, но и в большой степени политической акцией³⁵, направленной на консолидацию «национальных» сил, возглавлявшихся царем Врамшапухом и церковью, для оказания сопротивления политике расчленения Армении и насильственной ассимиляции, проводившейся в это время двумя великими державами — Ираном и Византией. Не удивительно поэтому то активное участие верховной светской и церковной власти в предприятии Маштоца, которое подчеркивается армянскими источниками V в. Общая обстановка в Грузии и в Албании была примерно такой же; грузинская и албанская церкви в этот период (т. е. до получения грузинской церковью автокефалии) были теснейшим образом связаны с армянской. В этих условиях миссия Маштоца в Грузию, а затем в Албанию, как и поддержка ее грузинскими и албанскими светскими и духовными властями (грузинским царем Бакуром и епископом Грузии Моисеем, царем Албании Арсваленом и албанским епископом Иеремией), о которой нам сообщают армянские тексты, могла иметь и вполне реальный политический смысл. Иной вопрос, мог ли Маштоц выступать в качестве непосредственного изобретателя грузинской и албанской письменностей. На этот вопрос а priori можно дать отрицательный ответ. Создание новой письменности, обслуживающей тот или иной язык, нельзя свести к «буквотворчеству» — это большой и сложный процесс, включающий прежде всего выделение фонем данного языка и предполагающий тонкое знание как фонетики, так и строя языка. Маштоц же не знал ни грузинского, ни албанского языков, и сообщению Коряна о том, что он, Маштоц, там, на месте, собрал све-

³⁵ Эта сторона достаточно полно освещена в работе Я. А. Манандяна, *Месроп Маштоц и борьба армянского народа за культурную самобытность*.

дения о звуковом составе этих языков, не следует придавать большого значения, так как собранные таким образом сведения никак нельзя считать адекватными для подобного предприятия. Гораздо реальнее и важнее в этом плане упоминания у Корюна и Моисея Хоренского привлеченных Маштоцом лиц — грузина Джалая (Ջալայ), которого Хоренский характеризует как «переводчика армянского и греческого языков», и албанца Вениамина. В целом можно считать имеющуюся в армянских источниках версию вероятной, хотя еще и не доказанной, сконцентрировав главное внимание на сравнительном изучении доступного нам материала — армянской, грузинской и албанской письменностей, базируясь на данных самых ранних их памятников³⁶.

Гипотеза о греческом происхождении знаков грузинского письма (исключая три-четыре буквы) столь же мало доказуема, как и для письма армянского, и была справедливо отвергнута многими исследователями (Г. Юнкер, И. А. Джавахишвили, Г. В. Церетели). Названия же трех грузинских букв — he, zen, šin и место в алфавите первых двух из них, естественно, должны были навести на мысль об арамейском источнике.

Равным образом и среди дошедших до нас названий албанских букв имеются названия, несомненно восходящие к арамейским, как, например, yud, hēt, jaup, saç. Гораздо сложнее, однако, установить непосредственную связь между очертаниями знаков грузинского (а тем более албанского) письма со знаками арамейского алфавита. Прежде всего возникает

³⁶ Письменность кавказских албанцев пока не расшифрована. Она известна по алфавиту из 52 знаков, дошедшему до нас в двух армянских рукописях — XV в. (Матенадаран, № 7117) и XVI в. (коллекция Х. Кюрдяна, США), и по надписям на камне и керамике, в основном найденным при раскопках Мингечаура (V—VII вв. н. э.). Алфавит рукописных списков, как явствует из сравнения его с надписями, и неполный и неточный, хотя, несомненно, подлинный. При реконструкции форм албанских знаков я исходила большей частью из данных эпиграфики, но пользовалась также и рукописным алфавитом. Сближения, которые я провожу, разумеется, предварительные — до расшифровки албанской письменности, выяснения фонетического значения албанских букв и их основных начертаний: уверенности в в предлагаемых сближениях быть не может. Материалы см.: А. Г. Шанидзе, *Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки*, «Изв. Ин-та языка, истории и матер. культуры Груз. филиала АН СССР», IV, 1938, стр. 1—62; Н. Kurdjan, *The Newly Discovered Alphabet of the Caucasian Albanians*, — JRAS, 1956, 1—2, pp. 81—83; Р. М. Вандов, *Археологическая характеристика эпиграфических памятников Мингечаура*, — «Изв. АН АзербССР», серия обществ. наук, 1958, № 4, стр. 107—120; К. В. Тревер, *Очерки по истории и культуре Кавказской Албании*, М.—Л., 1959, стр. 335—339, табл. 28, 29, 34, 35; А. Г. Шанидзе, *Язык и письмо кавказских албанцев*, — «Вестник отделения обществ. наук АН ГрузССР», 1960, № 1, стр. 168—189.

законный вопрос, какой именно арамейский алфавит можно брать в качестве вероятного прототипа грузинского письма. Поскольку на территории Грузии в эпоху, предшествовавшую первым памятникам грузинского письма, имела хождение разнovidность арамейского письма — армазская, то поиски, естественно, должны были пойти в этом направлении. Однако мои попытки установить генетическую связь между очертаниями грузинских знаков с армазским вариантом арамейских букв не принесли желанного результата, исключая, быть может, сближение груз. у с армаз. *йодом* — знаком, который никак нельзя считать характерным, — он имеет примерно одинаковое написание во всех вариантах северомесопотамского арамейского письма. Продуктивнее оказалось сравнение с другими, но не зафиксированными на территории Грузии (раннее *эстрангело*, Пальмира, Хатра, Ассур) известными вариантами северомесопотамского письма, что уже наводит на мысль об арзаненской модели Месропа Маштоца. К варианту северомесопотамского письма, которым, как я пыталась показать выше, пользовался Маштоц при создании армянских букв, можно возвести уже шесть знаков грузинского письма — *б*, *у*, *q*, *χ*, *v* (о последнем знаке см. ниже), *š*. То, что один и тот же исходный знак получил различное оформление в армянской и в грузинской письменностях (ср. также албанский столбец рис. 4 и 5), свидетельствует в пользу предположения о создании этих алфавитов разными лицами. Сравнительное изучение знаков армянского, грузинского и албанского письма позволяет сделать и другие наблюдения. Как и при создании армянского алфавита, при изобретении грузинского были использованы некоторые греческие буквы. Так, для груз. *o* — греч. *омикрон* с незначительной модификацией, для груз. *p'* — греч. *фи* без изменения, а также знаки пехлевийского курсива *l*, *m*, *č* (см. рис. 4). Изобретая армянскую письменность, Маштоц выделял так называемые «двойные» фонемы и конструировал для них знаки путем сдвигания того или иного «отдельного» знака. Аналогичный прием можно представить для начертания ряда знаков грузинского и албанского алфавитов. Так, знак для груз. *v* (*vin*), очевидно, был создан путем сдвоения сев.-месоп. арам. *vav'*а (арм. *v* — из сдвоения пехлев. *vav'*а; сев.-месоп. *vav* был использован Маштоцом для передачи арм. *o*). Подобно арм. *у*, соответствующий албанский знак (*yaud*?) представляет, видимо, сдвоенный арам. *йод* той же «арзаненской» модели. Мы находим также аналогичные армянским модификации и комбинации с пехлев. *č* в обеих письменностях и даже некоторые «рабочие формы» Маштоца (ср. рис. 4 и 5).

ИСХОДНЫЙ ЗНАК	« РАБОЧАЯ » ФОРМА	ГРУЗИНСКАЯ БУКВА V В.	АЛБАНСКАЯ БУКВА
АРАМ. 𐤁 (b)	𐤁>𐤅>𐤆	𐄁 (b)	𐌁 (знач.?)
АРАМ. 𐤂 (y)		𐄂 (y)	𐌂 (y?; «yud»)
АРАМ. 𐤃 (q)	𐤃	𐄃 (q)	
АРАМ. 𐤄 (h)	𐤄>𐤈	𐄄 (x)	
ПЕХЛ. 𐭃 (l/r)	𐭃>𐭄	𐄅 (l)	
ПЕХЛ. 𐭅 (m)	𐭅	𐄆 (m)	
ПЕХЛ. 𐭆 (č, j, ž, z)		𐄇 (č)	𐌇 (z? «zim»)
— " —	𐭆		𐌈 (знач.?)
— " —	𐭆>𐭇		𐌉 𐌊 (знач.?)
— " —	𐭆>𐭈	𐄈 (č)	𐌋 («čat»)
— " —			𐌌 («jay»)
АРАМ. 𐤅 (y)	(l+l) 𐭃		𐌍 («yayd»)
АРАМ. 𐤆 (w)	(w+w) 𐭆	𐄉 (v)	𐌎 (v?)
ПЕХЛ. 𐭆 (č, j, ž, z)	(č•č) 𐭆		𐌏 𐌐 𐌑
— " —	(č•č) 𐭆 𐭇		𐌒 (знач.?)
— " —	(č•č) 𐭆 𐭈	𐄊 (j)	
— " —	(č•č) 𐭆		𐌓 (caŋ)

Рис. 4. Предположительное происхождение некоторых знаков грузинского письма V в. н. э. и албанского письма из знаков арамейской и пехлевийской письменностей

В ряде случаев начертания грузинских и албанских букв обнаруживают настолько большое сходство с армянскими, что использование последних в качестве исходных «рабочих» форм не вызывает сомнения: слишком они далеки от начертаний арамейских моделей, чтобы можно было эти знаки возвести к ним непосредственно. При этом, если развитие армянской буквы от ее арамейского прототипа легко проследить палеографически, и ясно также их фонетическое соотношение, то грузинские и албанские буквы в подобных случаях палеографически могут быть возведены к арамейской только через армянскую форму, фонетическая же их корреляция с арамейской могла оказаться нарушенной, если армянская буква была использована лицами, создавшими эти письменности, как графема, вне связи с ее фонетическим значением в армянском письме. Так, например, из двух арамейских букв — *каф*'а и *коф*'а были созданы соответственно две армянские буквы для простого и придыхательного согласного (арам. *k* > арм. *k*, арам. *q* > арм. *k'*). Для грузинского, в котором имеется также и заднеязычный его вариант, этот последний был передан знаком, произведенным непосредственно от арам. *коф*'а с поворотом его, вызванным противоположным направлением грузинского письма. Для передачи грузинского придыхательного *k'* была использована соответствующая армянская буква с усечением ее правого крыла-головки, так что от арам. *коф*'а остался вертикальный ствол с добавочным элементом уже армянской буквы, придававшим знаку крестовидную форму. Та же армянская буква с очень незначительной модификацией (усечением левой части добавочного элемента) была использована для груз. *c* — она имеется в своем полном виде, но повернутая в обратную сторону, и в албанском письме (возможно, конечно, что при создании албанской буквы повороту подвергся арам. *коф*, к которому был присоединен добавочный элемент армянской буквы; уточнить это можно только после установления фонетического значения албанской буквы). Для грузинского знака для *w* трудно найти другой источник кроме арм. *вев*'а (произведенного в свою очередь от сдвоенного пехлев. *вав*'а), и если у грузинской буквы к концу V в. левое крыло сомкнулось со стволом, то албанский знак, видимо, дает нам первоначальный облик этой буквы. Из арам. *вав*'а был создан Маштоцом знак для армянского гласного *o*, форма же армянской буквы была заимствована изобретателем албанского алфавита для передачи албанского гласного *u*, в грузинском алфавите этот знак был использован для согласного *γ*, т. е. уже как графема, безотносительно к своему фонетическому значению в том алфа-

ИСХОДНЫЙ ЗНАК	ГРУЗИНСКАЯ БУКВА V B	АЛБАНСКАЯ БУКВА
АРМ. Կ (k)	ԥ (k)	Կ (ЗНАЧ.?)
АРМ. Ճ (ǰ)	ճ (ǰ)	Ճ («ՅՅ» из грузинской?)
АРМ. Զ (kʻ)	Զ (kʻ)	Զ
—	Բ (c)	—
АРМ. Վ (v)	Վ (w)	Վ («irb»)
АРМ. Ո (o)	Ո (y)	Ո («u? - un»)
АРМ. Ե (e)		Ե («o? - odet»)
АРМ. Դ (w)		Դ (ЗНАЧ.?)
АРМ. Ն (n)		Ն («n? - nuc»)
АРМ. Տ (t)		Տ («c? - saw»)
АРМ. Ս (s)		Ս (ЗНАЧ.?)
АРМ. Խ (x)		Խ («vev»?)
ГРУЗ. Շ (a)†		Շ («a? - alt»?)
ГРУЗ. Զ (r)		Շ (ЗНАЧ.?)
ГРУЗ. Ծ (d)		Ծ (ЗНАЧ.?)
ГРУЗ. Դ (e)		Դ (ЗНАЧ.?)
ГРУЗ. Թ (tʻ)		Թ (ЗНАЧ.?)
ГРУЗ. Կ (kʻ)		Կ (ЗНАЧ.?)

Р.с. 5. Происхождение албанского письма

вите, откуда он взят. Следует отметить, что при создании албанского алфавита были использованы знаки не только армянского письма, но и грузинского алфавита, что указывает на хронологическую последовательность создания этих трех

алфавитов. Показательную картину дает в этом отношении и сравнение названий букв. Названия армянских букв были придуманы самим Маштоцом, но некоторые из них, как было показано выше, восходят к его арамейской «рабочей» азбуке. Изобретатели грузинского и албанского алфавитов также сами давали названия новым письменам, но и в их списках просвечивают «арамеизмы»; среди грузинских названий заимствованы два армянских — гае (ср. арм. րայ) и ин (арм. ւն), а в албанский список проникли как армянские (албанск. շիմ, չայ, չայ, соу, ր'իւր, տիւր, ср. арм. ցիմ, չայ, չայ, соу, ր'իւր, տիւն), так и грузинские (албанск. շիլ, յիլ, еп, кар, ун, չар, ср. груз. շիլ, յիլ, еп, қар, ун, չар) названия букв.

Система грузинского письма совпадает с армянской, т. е. построена по греческому образцу. И тут мы имеем передачу гласного *и* с помощью ложного дифтонга (ou), и использование алфавитного порядка букв для обозначения цифр (по десятиричной системе — при двадцатеричной системе счета в грузинском языке!), и ту же стилизацию букв под греческое унциальное письмо³⁷. Есть все основания полагать, что и система албанского письма была такой же; несомненны как направление письма слева направо, так и фонетический его характер (заимствованы и некоторые греческие знаки для гласных — *эпсилон*, *йота* и *омикрон*; шестой и седьмой знаки второй грани надписи на капители, возможно — ou).

Итак, миссия Маштоца в Грузию и в Албанию действительно имела место. Он доставил в эти страны свою армянскую арамейскую модель и изобретенную им армянскую азбуку и поделился своим опытом создания новой письменности, общими принципами. Даже итинерарий Маштоца и хронологическая последовательность создания грузинской и ал-

³⁷ Порядок знаков грузинского алфавита, как известно, расходится с порядком букв в армянском: в грузинском знаки для фонем, отсутствующих в греческом, вынесены все под конец алфавита, тогда как в армянском они распределены между теми, которые соответствуют греческим. Возможно, что это не случайно. Вопрос о расхождении в количестве знаков греческого письма и письменностей других народов занимал умы и греческих грамматиков (так, Стефан отмечал этот факт в связи с письменностями армян и египтян, 196, 29). Интересен ответ на этот вопрос применительно к древнеармянскому языку и письму армянского толкователя Дионисия Фракийского — «грекофила» Давида: «...Но письмен наших множество: во-первых, так как речь безыскусственна (ἀναγυεστ, ἀτεχνος), язык — варварский; во-вторых, вследствие „густоты“ (= ճառօտի) внесены те самые буквы, которые соответствуют речи». См. Н. Адонц, *Дионисий Фракийский*..., стр. СLV. Быть может, на изобретателя грузинского письма оказывала влияние подобная «грекофильская» концепция, когда он выделял расходящиеся с греческими фонемы (госр. буквы) как «дополнительные».

банской письменностей, сообщаемые армянской традицией, оказываются вполне историчными. Видимо, следует признать достоверными и имена тех лиц, которые положили свой труд и талант на создание письменности для родного языка, — Джалая³⁸, изобретателя грузинской письменности, и Вениамина — изобретателя албанской.

³⁸ Отсутствие упоминания имени Джалая, как и истории изобретения грузинского письма вообще в грузинской исторической традиции, объясняется, видимо, тем, что дошедшая до нас традиция восходит к сравнительно позднему времени, когда в результате раскола армянской и грузинской церквей и обострения отношений между ними взяли верх конфессиональные соображения. В этих условиях образец армяно-грузинского культурного сотрудничества, который являла история Маштоца и Джалая, выглядел достаточно однозно. Аналогичная ситуация засвидетельствована и в труде Корюна, который скрывает связи Маштоца с Теодором из Мопсуэстии, известные нам по византийским каналам. Корюн писал свой труд в середине V в., но так как в 431 г. Эфесский вселенский собор осудил Теодора из Мопсуэстии как еретика, то связи с ним Маштоца, безусловно, должны были казаться Корюну компрометирующими его учителя. Даже то, что сохранилось от более ранней грузинской письменной традиции, прошло последующую «конфессиональную» редакцию (достаточно показательна в этом плане и история перевода Библии, см. Н. Я. Марр, *Из поездки на Афон*, — ЖМНП, 1899, март, стр. 10—15; его же, *Заметки по текстам св. Писания в древних переводах армян и грузин*, — ХВ, II, 1913, стр. 163—174). Сохранение оригинальной редакции там, где она противоречит «новому курсу», — случай редкий в любой письменной традиции.